

ОТ РЕДАКТОРА

Что первично — реальность или ее описание?
Не вырастает ли этот весомый, грубый, зримый мир из мифа, созданного кем-то и когда-то?
...Или нами самими — прямо сейчас?

*Редактор тома
Нари Ади-Карана*

P.S. Если у вас есть желание предложить свои произведения — мы будем рады. Просто вышлите свои работы вместе с небольшим рассказом о себе по электронному адресу нашего издательства: **skifiabook@mail.ru** с пометкой «заявка на участие в Антологии Живой Литературы». Мы обязательно рассмотрим ваше предложение и ответим вам.

Оглавление

Ирина Окс	7
Елена Копытова	33
Ольга Челюканова	71
Лена Берсон	95
Александр Буланов	121
Катя Че	145
Ди Огре	165
Марина Муратова	193
Александр Емельяненко	217
Юлия Ловыгина	249
Андрей Большов	273
Светлана Кащук	303
Павел Черкашин	329
Елена Парамонова	355
Евгений Любарский	383
Галина Сергеева	405
Алина Соколова	425
Тимур Т.	449
Ирина Кодирова	473
Наталия Лыкова	487
Шри Махадэва Ади Нидана	511

Краткие циклы

Аленка Кошкина	538
Александр Перчиков	543
Олег Дэймор	547
Елена Кряковцева	555

Ирина Окс

г. Мурманск

Зацикленное

От автора:

Я — Ирина Окс. Имя и фамилия настоящие и мои с рождения.

Прошлое у меня было. Там были Воркута, Москва, Каменная-Оби, любовь, стихи, работа, работа, работа... Ой, даже Парижа три дня было!

Настоящее у меня есть. Здесь у меня Мурманск, любовь, дочка в Питере, работа-аптека, стихи, стихи, стихи... Я прописана на Стихиру уже семь лет.

Будущее у меня будет. Там у меня будет все только хорошее, потому что так поется в детской песне. Взрослые песни врут.

Бог есть. Смерти нет. А остальное — лишнее обо мне будет только мешать читателю воспринимать стихи.

А все, до цитаты, достанется нищим...

А небо некстати в ночи голубеет,
и бездну вбирают глаза глубиной;
а жизнь на Земле несравнимо грубее,
но небо в стихах остается со мной...

И бьются поэтские души босые
о камни житейских сует и невзгод,
и каждый поэт в своем слове мессия,
и каждый поэт в этом мире изгой;
и те, кто сейчас не поймут и освищут,
за гробом слезами омоют венки,
а все, до цитаты, достанется нищим,
что вслед усмехнутся: «Отбросил коньки».

Мы все улетим. Но останется Слово
иконами в храме на нашей крови...
А с неба, некстати в ночи голубого,
осыплются звездами строки любви.

Мое Ангелическое, очередное

Мы шли уготованным ранее чьим-то путем, мы ведали Солнце и море по тысяче раз и так умирали, не зная, на что мы идем, и с нами измором ушли пять замученных рас. Когда мы вернулись, увидели небо в крови, когда мы вернулись, нас жаждали, ждали и жгли, и мумии улиц дорогами дней перевив, армады горгулий уснули в церковной пыли.

Тиары и мантии саваном падают в грязь, икон благооких за окнами снова не счесть, а мир, от ума не горяю, сторае от дрызг, и Солнце упало с Востока...

И мы уже здесь.

Кто с нами пойдет, мы не знаем, не видя живых, а мертвые очи способны полнеба убить! Мы плачем дождем, если душами плачете вы, но вряд ли сквозь сон вы упьетесь лишь кровью рябин.

Мы ваши потомки, убитые вами давно, и общая ненависть наша должна умереть, как крыса в потемках, оставшись гуано в земном, которое мы еще вспашем на зимней заре. И старых царей из могил поднимая на суд, сдирая кресты с перепачканных кровью гробов, пусть наши друзья и враги общий крест понесут, гремя черепами погибших за слово «Любовь».

Когда его вспомнят.

Буколическое

На высоких отрогах серьезного Запада рук, там,
где ходят стадами волы и коровы мыча, мы идем
по дорогам, их камни ругая к утру, и приносим
страданье туда, где надежный причал.

А еще мы привозим надежды без веры в любовь,
а еще в наших стойлах в солому заныкана соль, и
запретную нежность мы дарим, идя на убой, а до
этого стонем и ломом вбиваемся в сон...

На высоких отрогах, где мысли стремятся в Тибет, нам
с шерстистыми яками тесно — до них далеко,
и тропюю пологой спешат избавляться от бед те, кто
истину маковым соком дольет в молоко.

А еще мы на Север скалистый пойдем зимовать,
и спокойная старость — бесцельная цель бытия.

А еще мы посеяли истину в Божьих словах и находим
в их зарослях слаще лекарства лишь яд
на высоких отрогах.

Еще раз про Ассоль

На доверчивых далях скалистого Севера дней,
до которых доплыть удастся живыми не всем, далеко
не всегда ожидает нас море огней, и других водоемов
на них не увидишь совсем.

А увидишь пустыню и тупиков целый базар, и летающий
пух, поседевший, как пепел. Нет, снег. Но на нем
не остынут мечты, просолившись в слезах, даже если им
за... и тебе не до крыльев во сне, вместо них две лопатки
и опыт — горбом — за спиной, и в альбомах столпились
портреты забытых друзей, и тетрадки-палатки с
оглядкой припомнить смешно, и разбились в степи две
кареты, а ты на козе, и на юге оставленном, сытно, темно
и тепло, и побита бессонницей шкура потертых ночей, и
в проклятую старость по пояс воды натекло, и заметно
усохла душа... и еще... — и вообще...

На доверчивых далях скалистого Севера дней, на крутых
берегах, где Ассоль никогда не паслась, не затерты во
льдах, стайей тупиков плачут по ней шумный дом
с пирогами и пара не склеенных ласт.

Только где она бродит, неведомо мне и тебе, и чего она
хочет, не знает, наверно, сама, но при ясной погоде
скрипит в том доме колыбель, видно, ждет ее дочку,
пока не настала зима на доверчивых далях скалистого
Севера.

О зависти. Еще

На завистливых далях песчаного Юга ветров, где самумы с мистралем сплетаются, падая в штиль, там, где ждали и звали того, что зовется добром, и смеялись над страхом, стремясь к окончанию пути, мы оставили радость открытого настежь окна, на котором листает дневник непутевый апрель. Там распахнутым взглядом следила за нами весна, и любовь не святая легла простыней в акварель и размазала слезы, глаза во все щеки открыв, потому что испорчено краской прекрасное в них... Мы оставили звездный азарт до начала игры, написав неразборчиво кучу наивной фигни.

На завистливых далях, где дети помашут нам вслед, будут счастливы внуки, но мы не узнаем о том, как давили педали они и на велике лет с ветром мчались к науке, что в мире несчастлив никто. Кроме них.

Аум

На поющем Востоке далекой и близкой души пребываем мы
вечно и вечно тоскуем о нем. Он Бангкоком и Токио нас и
смешит, и страшит, и дорогами млечными манит, когда мы уснем.
На поющем Востоке из чаш вырастают цветы, и на сакуре
дивное диво поет по весне, и из древних истоков течет по
предгорьям крутым Беловодье бурливое к солнцу до крови
краснеть;
и мечты зарождаются там, и возможен полет, и не хочется
думать о том, чего может не быть и не может не быть...

А хрустальный нетронутый лед так похож на звезду
опрокинутой ступы Судьбы. Мы толчем и толкуем, но толку
пока не видать, эта скучная сказка без смысла, как день без
конца. Словно дуло к виску, в рюмку бросившись кубиком
льда, приставляем мы маску, скрывая личину лица.

На высоком Востоке души, где вибрации мантр резонируют
с сердцем, живет и всевластвует Бог. Нервом, ниточкой
тонкой пришит Он к карману ума и за тридцать сестерциев
в церкви торгует собой.

...потому что так легче серьезному Западу рук.

...потому что так проще жить в зависти Югу ветров.

...потому что так лечит доверчивый Север хандру.

Бог Адамову рощу срубил им под кров и для дров.

...чтобы стало теплее душе.

Потому-то

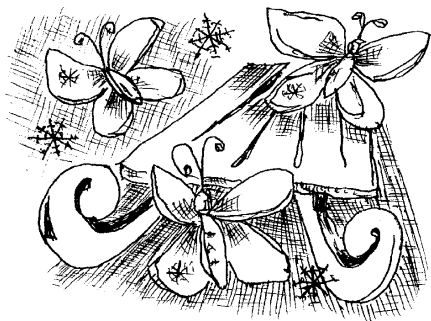
На пуховой на постели облаков
в полудреме пьют парное молоко
из разлившегося Млечного Пути
двое странников, которых Бог простил.
Ножки свесив, улыбаются-молчат,
греют крылья в ярких солнечных лучах.

То ли облачность пернатая легла,
то ли радость их с печалью пополам,
но куда по облакам они пойдут,
взявшись за руки у мира на виду,
непонятно им самим, а в облаках
им друг с другом очень нравится пока.

На закате в небесах царит покой,
на пуховой на постели облаков
двух заблудших по головкам гладит Бог,
потому-то мы и счастливы с тобой.

Бабочки

Бабочки друг с другом в одуванчиках
по весне на солнышке любились
и с нектаром желтые стаканчики
залпом осушали в изобилии.
Без ума любились, безоглядные,
бабочки — всей жизни двое суток —
без задумок: хорошо ли, надо ли,
без боязни сплетен-пересудов.
Солнышко светило в небе ясное,
май пришел, и травка зеленела,
бабочки друг с другом были счастливы.
Кто на ком?
Кому какое дело.

Просто вместо овечек. Ночное полубредовое

Ежик седых волос,
время течет к нулю...
Поводов нет для слез,
просто пока не сплю,
просто в окне луна,
просто давно вдвоем,
просто твоя спина
сердце спасет мое;
просто смешно сопишь,
просто тревожно спать,
просто такая тишь,
просто одна кровать,
просто тобой дышу,
носом уткнусь в плечо,
люстра, как парашют...
Что это я? О чем?
Просто родным теплом
пахнет твоя рука,
просто блестит стекло,
и без тебя — никак,
и в голове сумбур...
Тихо подкрался сон.
Нашу с тобой судьбу
ночью разделит он.

***

Сибирь моя, любовь моя — Алтай,
мой сон, мой теплый край, моя стихия,
мой идол поклонения мостам,
и тайна, и алтарь...

Какой трухи я
ни натащу к тебе из дальних мест,
с какой бы ни пришла к тебе дороги,
скитов твоих негромкий благовест
смирненно встретит и омоет ноги,
и инокиня Обь, темна водой,
печаль мою с души сотрет подолом,
и месяц в небе, робкий, молодой,
осветит эту ширь. Пусть будет долог,
моя Сибирь, твой век, чтоб Русь могла
омыть свои стопы, чиста тобою,
и чтоб Москвы золотые купола
вославили ее твоей Любовью!

Сибирь моя, любовь моя — Алтай,
ты песня, ты весна моя святая,
моей Судьбы полет и высота,
ах, мне б к тебе за журавлиной стаей
в родимый край...

Bestпросветное

Под омофором розовых небес
совсем не важно, где мы или кто мы,
не важно даже, море или омут
мутит хвостом наш персональный бес.
Наш мир бескрайний состоит из бездн,
и он бездонен под бездонным небом.
совсем не важно, зрелищ или хлеба
не выдаст Бог или свинья не съест.
и каждый в этом мире is the best,
и сам себе и цирк, и bestiарий,
и каждый зверь способен двести арий
исполнить для других живых существ,
но не поет, а только просит есть
и выедает собственную душу.

Так океан Любви остатком суши
в бессильной жажде будет выпит весь.
Когда не станет в этом мире песен
и музыка исчезнет навсегда,
тогда иссякнет Божья благодать
и мир, дойдя до дна, нам станет тесен.

Осеннее бабье

Суета, маета и дороги расхлябаны...
Вопреки ожиданиям, всем бедам назло
запестрят зеркала бестолковыми бабами,
что в погоне за счастьем встают на крыло,
запестрят зеркала лебедицами-ведьмами.

По осеннему небу на метлах, шутя,
бабы верят в любовь
до конца до победного,
как в пришествие смерти не верит дитя.

Бабы верят в любовь,
громыхая кастрюлями,
привыкая в миру забывать о себе,
если их мужики не погибли под пулями,
значит, будет кому приготовить обед.

Бабы верят в любовь.
Эта вера по странности
вере в Деда Мороза из детства сродни:
сможет стать им любой, кто придет, звякнув санками,
по головке погладит и влезет на них.

Бабы верят в любовь
ради слова приветного,
ради счастья судачить с подругой о том,
что терпеть невозможно диванно-газетного
кобелину с ленивым пивным животом.

Бабы верят в любовь,
сериалами вскормлены,
и, мечтая, играют в чужую судьбу,
голодая в погоне за стройными формами
и по жизни таща мужика на горбу.

Если держится мир на доверии бабами,
дай им ноги покрепче, Всевышний,
хотя...
Хорошо, что дороги и души расхлябаны,
раз им выдался шанс полетать,
пусть летят.

И все еще...

Ветхозаветный театр теней:
за райским садом Божий ад,
потом потоп. И все.

Верней, побило градом виноград.
И все.
И не напился Ной.
И все.
И не родился Хам.
И, слава Богу, под луной
нет места горю и стихам.
И все?

Отнюдь. В который раз
нашелся умник — попросил.
И все.
И — кто во что горазд,
на что хватило средств и сил.
И все.
И зря старался Бог.
И все.

И не пошли ко дну
ни пьянство с хамством, ни любовь,
ни стихопесни про луну.

И все.
И нет скончанья дней.
И все.
И молится за нас
Ветхозаветный театр теней,
творя намаз в рассветный час.
И все? И все.

Старый круг любви очерчен...

Старый круг любви очерчен. Циркуль вóткнут в середину,
я смотрю, как завершает серый росчерк карандаш...
Мозг усталый гуттаперчево замкнулся и окинул
прежний путь, и жизнь большая изменилась навсегда.
Круглый стол осенней тризны... Что ж, обратной нет дороги:
мы останемся друзьями и расстанемся светло,
на могилке прежней жизни не помянем всуе Бога,
хилый трупик в волчьей яме зимней выметут метлой.
Мы черту перешагнули, цепи замкнутого круга
тяготить тебя не будут, вот и все, прости-прощай,
новых мыслей старый улей, новый циркуль — друг без друга,
вновь доверие к Иудам, снам, приметам и мощам.
Циркуль вóткнут в середину, не ко времени доверчив,
по окну текут снежинки, начинается зима.
А вернувшись с поминок инцидент давно исперчен:
лист, повисший на осинке, даже ветки не сломал.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru